

Мяукающая дивизия

Ярославские кошки спасли блокадный Ленинград от крыс и страшных эпидемий

Особенно тяжело пришлось ленинградцам в первую блокадную зиму.

Сегодня даже представить себе трудно, как жители Ленинграда смогли пережить страшные 872 дня блокады — с 8 сентября 1941-го по 27 января 1944 года. Постоянные бомбежки и артобстрелы, громадные очереди за крошечными пайками хлеба, холод, трупы людей на улицах, походы за водой на замерзшую Неву в лютый мороз. Уже на второй день осады, 9 сентября 41-го, немецкая авиация точным ударом по Бадаевским складам уничтожила основную часть продуктов, обрекая жителей на мучительную смерть.

«Съели жареную кошку. Очень вкусно»

Эта первая зима в осажденном городе была особенно тяжелой. Ленинградцы переловили и съели всех уток в парках и голубей на улицах, бродячих, а затем и домашних собак и кошек, ели даже крыс и мышей. Люди пытались выжить...

Вот как вспоминала об этом времени блокадница Ирина Корженевская: «Внизу, в квартире под нами, упорно борются за жизнь четыре женщины. До сих пор жив и их кот, которого они вытаскивали спасать в каждую тревогу. На днях к ним зашел знакомый студент. Увидел кота и умолял отдать его ему. Еле-еле от него отвязались. И глаза у него загорелись. Бедные женщины даже испугались. Теперь обеспокоены тем, что он украдет их кота. О, любящее женское сердце! Вот единственный экземпляр на моем радиусе. Все остальные давно съедены».

В Выборгском районе установлен памятник кошкам блокадного Ленинграда.

«3 декабря 1941 года. Съели жареную кошку, — пишет в своем дневнике десятилетний мальчик Валера Сухов. — Очень вкусно».

Враг организованный, умный и жестокий...

К началу 1942 года кошек в Ленинграде практически не осталось. И люди столкнулись с новой страшной бедой — крысами.

Это была еще одна настоящая война — не на жизнь, а на смерть. У крыс в городах нет естественных врагов помимо кошек. А пищи — в отличие от людей — было предостаточно: на улицах лежали трупы.

Крысы, почувавшие себя хозяевами города, начали безудержно плодиться и пожирать все, что только можно было найти. Они нападали на детей и стариков во сне, уничтожали зерно на мельнице, где мололи муку для хлеба всему городу, губили полотна великих художников в Эрмитаже. Грызунов расплодилось так много, что порой они останавливали движение транспорта. Был случай, когда из-за расположившейся на путях стаи с рельсов сошел трамвай. Из-за полчищ крыс в городе возникла угроза эпидемий. Конечно, ленинградцы защищались как могли. Были созданы специальные бригады по борьбе с грызунами. Но...

Блокадница Кира Логинова записала в своем дневнике: «Тьма крыс длинными шеренгами во главе со своими вожаками двигалась по Шлиссельбургскому тракту (ныне проспекту Обуховской обороны) прямо к мельнице, где мололи муку для всего города. В крыс стреляли, их пытались давить танками, но ничего не получалось: они забирались на танки и благополучно ехали на них дальше. Это был враг организованный, умный и жестокий...»

Четыре вагона дымчатых пушистик

Выход был найден. Почти сразу же после прорыва кольца блокады в апреле 1943 года вы-

шло постановление за подписью председателя Ленсовета о необходимости «выписать из Ярославской области и доставить в Ленинград четыре вагона дымчатых кошек» (дымчатые считались лучшими крысоловами). Выбор пал на наш город и из-за относительно близкого расстояния, и потому, что Ярославль в войну стал побратимом Ленинграда: за время блокады Ярославская область приняла почти треть эвакуированных ленинградцев — около 600 тысяч человек, 140 тысяч из которых — дети.

Ярославцы заказ выполнили быстро: наловили серых кошек, и под усиленной охраной — чтобы не разворовали — эшелон с «мяукающей дивизией» отправился в Ленинград, где его с нетерпением ждали.

Как вспоминает блокадница Антонина Александровна Карпова, «весть о том, что сегодня в город доставят кошек, мгновенно облетела всех. Люди огромными толпами собрались на вокзале, возникла ужасная давка. Многие на перрон пришли целыми группами (в основном это были семьи или соседи) и пытались рассредоточиться по всей его длине. Рассчитывали на то, что хотя бы одному из группы удастся взять кошку. И вот пришел состав. Удивительно: четыре вагона кошек разошлись по рукам буквально за полчаса! Зато какие счастливые шли ленинградцы домой. Казалось, это приехали не обычные кошки, а бойцы нашей Красной Армии. Некое могучее подкрепление. И даже в тот день казалось, что Победа уже близка...»

Кошки стали для истощенного блокадой города не только спасением от крыс, но и символом возвращения к нормальной жизни.

«В апреле у кинотеатра «Баррикада» собралась огромная толпа людей. Не ради фильма. Просто в кинотеатре на подоконнике лежала, греясь на солнышке, полосатая кошка с тремя котятками.

Ярославские кошки оказались хорошими охотниками на крыс.

Суточный хлебный паек.

Увидев ее, я поняла, что мы жили», — рассказывает в соцсетях жительница Ленинграда, которой тогда было всего 12 лет.

Однако ярославских кошек хватило не всем. Да еще животные часто погибали, укушенные большими крысами, а иногда грызуны набрасывались стаей и загрызали кошку. Пережившие блокаду люди готовы были отдать за пушистых спасителей последнее, что имели. Кошек и котят продавали на рынке по баснословной цене — 500 рублей, это стоимость десяти буханок хлеба.

«За кошку отдавали самое дорогое, что у нас было, — хлеб. Я сама оставляла понемногу от

своей пайки, чтобы потом отдать этот хлеб за котенка женщине, у которой окотилась кошка», — вспоминала блокадница Зоя Корнильева.

Чуть позже в город прибыл еще один эшелон с кошками из Сибири. И вопрос с крысами был окончательно решен.

Памятники кошкам

Неудивительно, что кошки пользуются особым уважением и любовью в Северной столице. В 2000 году на углу дома № 8 на Малой Садовой установили монумент пушистому спасителю — бронзовую фигуру кота, которого петербуржцы сразу же окрестили Елисеем. Через несколько месяцев напротив него появилась кошка Василиса, «гуляющая» по карнизу дома № 3. Еще один памятник поставили в Выборгском районе Санкт-Петербурга, во дворе дома № 4 по улице Композиторов. Здесь расположена небольшая фигурка кошки, греющейся под торшером.

Инна НОВИКОВА

Кошки стали для многих символом возврата к обычной жизни.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Из уст в уста передаются в Санкт-Петербурге истории котиков, переживших блокаду. Один из самых известных — Максим. Хозяйка Максима Вера Николаевна Володина рассказывала: «В нашей семье дошло до того, что дядя требовал кота Максима на съедение чуть ли не каждый день. Мы с мамой, когда уходили из дома, запирали Максима на ключ в маленькой комнате. Жил у нас еще попугай Жак. В хорошие времена Жаконя наш пел, разговаривал. А тут с голоду весь облез и притих. Немного подсолнечных семечек, которые мы выменяли на папино ружье, скоро кончились, и Жак наш был обречен. Кот Максим тоже еле бродил — шерсть вылезала клоками, когти не убирались, перестал даже мяукать, выпрашивая еду. Однажды Макс ухитрился залезть в клетку к Жаконе. В иное время случилась бы драма. А вот что увидели мы, вернувшись домой: птица и кот в холодной комнате спали, прижавшись друг к другу! На дядю это так подействовало, что он перестал на кота покушаться». Вскоре Жаконя умер от голода. А вот Максиму удалось выжить и даже стать символом жизни для осажденного города. В квартире Володиных ходили люди — посмотреть на уцелевшего кота. А после войны «на экскурсию» к Максиму водили школьников. Умер кот в 1957 году — от старости.